

ПОЛУЧИВ редакционное задание — написать фельетон об арапах, я прежде всего сунил в Большую советскую энциклопедию. — Ара. Арабиноза Арабская лошадь. Аракчев. „Арбетёр Цейтунг“, — прочитал я в III томе, — а про арапов пропустили!

Побежал в редакцию Энциклопедии. Так, дескать, и так. Редакционная девушка мне объяснила.

— Неудача у нас с этим словом получилась. Об арапах была одна статья, и ту пришлось забракковать.

— Дайте почитать хотя забраккованную.

— Это можно. Только не унесите — оправдательный документ.

Девушка нашла рукопись. Вот она:

„АРАП — с древне-клубного языка — человек, соприкасающийся с подсвечником. В наш век радио и электричества подсвечниками и люстрами никто не бросается. Да и клубы не те. В карты там не играют, а занимаются исключительно просветительной работой. Слово арап в настоящее время еще не имеет точного определения. Во всяком случае это не темная личность, не прохвост и не жулик, как думают многие заурядные граждане, а нечто более возвышенное. Жулики и темные личности преследуются кодексами и общественным мнением. Арапы же не преследуются, а наоборот, — частенько процветают и пользуются признанием современников. По моему личному мнению (а вы — как хотите!), слово арап теперь означает личность незаурядную, положительную, оригинальную, но не укладывающуюся в шаблон и рамки обычного представления о приемах заработка, свойственных людям, лишенным художественной фантазии и широты натуры. Настоящий арап не переносит норм, очередей, ограничений, правил и регламентарий. Но он и не бандит. Он обходит тесные рамки и сетки исключительно благодаря своей одаренности, прельщая окружающую серую толпу теми или иными способами, о которых и будет идти речь ниже.

Способы прельщения зависят от самого арапского типа. Основных типов в природе существует два. Это — арапы жизнерадостные и арапы монументальные. Они в свою очередь подразделяются на множество разновидностей и помесей, но мы останавливаемся здесь только на характеристике вышеупомянутых двух главных видов.

ТИП ЖИЗНЕРАДОСТНЫЙ. Он отличается преимущественно беззаботностью и отсутствием заранее обдуманного намерения.

„— У меня это вдруг, у меня легкость в мыслях необыкновенная“, — говаривал, бывало, гоголевский Хлестаков, прототип арапов жизнерадостных.

И действительно! У жизнерадостных арапов „все это вдруг“. Сегодня они носят с одной писаной торбой, а завтра, смотришь, — с другой. Непринужденно и с детской улыбкой они заимствуют общественные суммы, прут из учреждения подвернувшийся ковер или хотя бы веревочку, а главное — предаются словесным и декларативным излишествам. Некоторые из них пробрались в высокие сферы искусства и литературы. Хлестаков когда-то только хвастался:

„— Я, признаюсь, литературой существую!“

Теперьшние хлестаковы в самом деле существуют, если не самой литературой, то около нее. Они мелькают и испускают фонтаны также и около театра, живописи, радио и музыки. Тут жизнерадостные арапы приобрели известный вес и значение. Их принимают всерьез, с ними спорят, дискутируют. А люди слабонервные побавляются их галдежа и демагогии. Люди грубые и неделикатные обзывают их трепачами, тычут им в нос старыми мастерами и требуют безусловной учебы. Благодушные либералы, взирая на жизнерадостных арапов, снисходительно улыбаются:

— Пустяки! Левацкий заскок!

Весьма прогрессивным качеством жизнерадостных арапов является их немонументально быстрое перемещение от одной кормушки к другой. Они берутся за любое дело и начинание, лишь бы оно имело элемент новизны. Покормившись вокруг него и оболтав его до тош-

ноты, они набрасываются, как саранча, на новые всходы какого-нибудь злака и мусолят его, пока в нем есть питательные качества. Это неустанное стремление к новизне придает деятельности жизнерадостных арапов необходимый блеск и видимость.

АРАПЫ МОНУМЕНТАЛЬНЫЕ значительно отличаются от вышеописанного вида. Они действуют с заранее обдуманным расчетом. Они прельщают окружающих своею прочной добротностью, солидностью и благородством. Голос, походка, костюм, роговые очки, портфель, знаки и куча мандатов — все это свидетельствует о великолепии их обладателя. Жизнерадостный арап о таких пустяках и не думает. Он обычно растерзан и не мыт, а арап монументальный придает своей внешности и поступкам значение большое. Если жизнерадостному арапу вздумается выдавать себя за инженера, литератора или ученого, он, как говорится, берет и именуется без всяких. А арап монументальный добудет нужные справки, удостоверения с приложением печати. Кстати о печати. Арап могущественный всегда держит ее поблизости, вместе с бланками и пользуется ими осторожно, не зарываясь.

В политике монументальный арап тяготеет к правому уклону.

В хозяйственной практике — к очковитательству.

В служебной деятельности — к должности по распределению благ или хотя бы надзирающей за ними.

В обыденной жизни — к уютной квартире и к отменному питанию утробы.

Стремление монументальных арапов потреблять предметы наивысшего сорта несомненно способствует развитию импорта, а также поднятию качества отечественной продукции.

Вместе с тем монументальные арапы двигают вперед и технику. Например, технику доставки и устраивания.

Не чуждо им и поощрение науки и художеств. Арапы и их арапки считают своим долгом присутствовать на премьерах, верниссажах, общественных просмотрах и литературно-медицинских докладах и диспутах, способствуя их блеску и оживлению. Не забывают арапы также украшать собой так называемые бархатные сезоны на курортах.

Но вся отечественная деятельность монументальных арапов — пустяки по сравнению с позициями, которые они занимают в капиталистических странах.

Там монументальных арапов можно видеть на королевских и папских престолах, на президентских креслах, во главе огромных концернов и банков, в академиях и прочая, прочая.

Монументальные арапы устраивают там международные лиги, разоружительные и мирные конференции, решают судьбы слабых государств, устанавливают моды на дамские шляпки, ездят с обслеждением в Шанхай, проводят конкурсы на лучший фокстрот, призывают к крестовым походам на СССР, сочиняют, вроде Каутского, научные труды в оправдание интервенции и т. п.

Все эти господа с мировым почтенным именем, трезвого поведения. Правда, есть среди них и грубые циники вроде американского бандита Аль-Капонэ или пшечного заводчика Школа, но и то знатоки уверяют, что эти бандиты живут и работают более честно и прямодушно, чем какой-нибудь епископ Кентерберийский.

Как видите, и тут говорить о темных личностях и мелком жульничестве не приходится.

Словом, подводя итоги этого краткого очерка, мы утверждаем, что арап нынче пошел не тот, и само это шекотливое слово приобрело нынче совсем другую, более возвышенную художественно-эмоциональную окраску.

ЛИТЕРАТУРА:

Брем — „Жизнь животных.“

Библия.

Записки кронпринца.

Декларации.

Иванов — „Защитная окраска“ и др.

— Да, действительно, — вздохнул я, — а кто же автор забраккованной статьи?

— Кто его знает! Забрал аванс, добился санаторной койки, жилплощади и скрылся. Теперь, говорят, собирает подписку в свою пользу. Кто-то уверял даже, что он пошел по литературной части.

— Короче говоря, — арап?

— Повидимому. И в статейке проскальзывает симпатия к своему арапскому брату.

— Что же вы не заказали очерка другим авторам?

— Обращались к одному искусствоведу, просили написать об арапах.

— Ну, и что же?

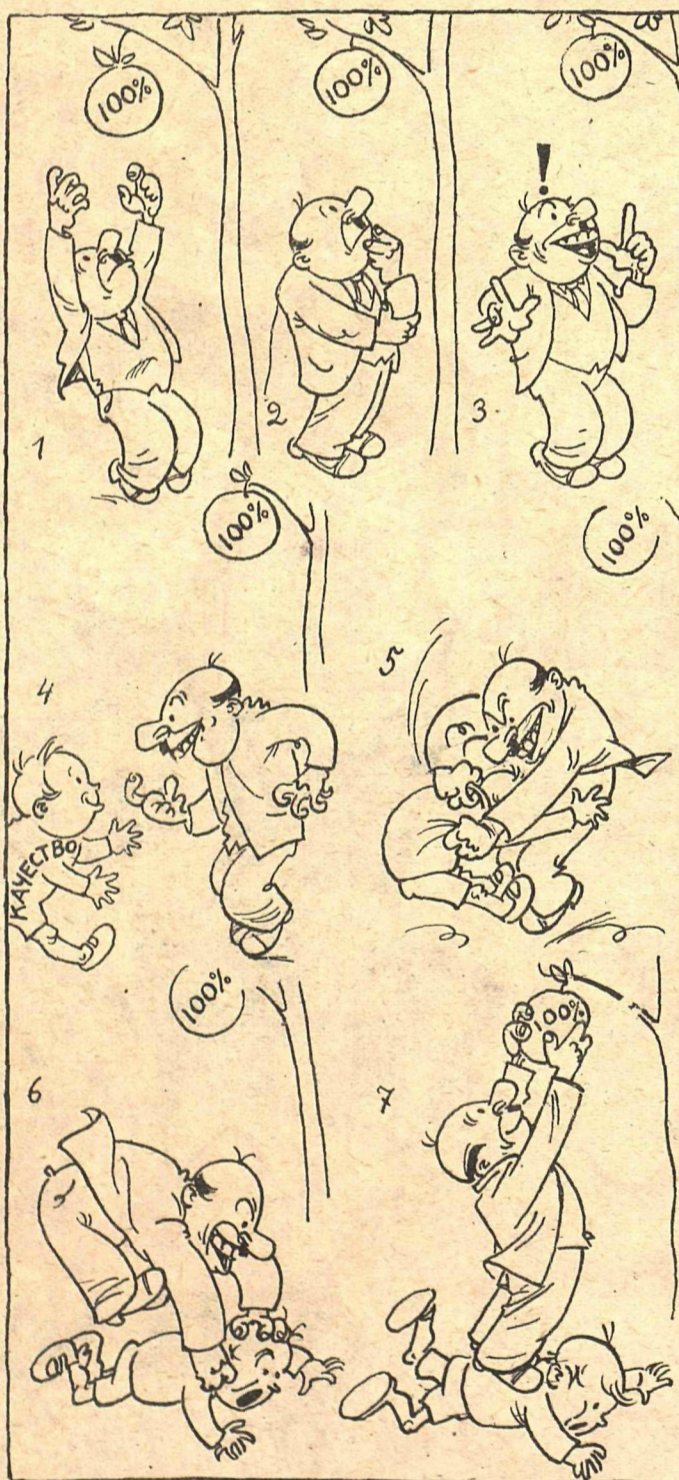
— Обиделся. Принял, говорят, на свой счет. Так и махнул рукой.

Махнул рукой на фельетон и я. Может, изложенная история сойдет за фельетон? Номер то ведь арапский!

Б. Самсонов.

О ЗАПРЕЩЕННЫХ ПРИЕМАХ БОРЬБЫ...

А. Боженов

„ЗА КАЧЕСТВО ПРОДУКЦИИ.“

— А! Специальный номер об арапах. Интересно, интересно. Не хватит ли у „Крокодила“ материала? Пойду на 3-ю страницу — посмотрю!

„СВЯТАЯ“ РОДИНА

— Б-рр! Помню: пил вчера за родину. Но за какую — Румынию, Польшу или Японию — хоть убей, не могу вспомнить!..

— Родина, родина! У арапов те-перь есть ро-дина, хоть паршивень-кая, но своя — „незави-симал“ Ма-нчжурия, Манчжоу-Го. Отпра-вимся даль-ше.

ЗДЕСЬ НАГРУЖАЮТ КОРАБЛЬ

«Когда восходит луна, из зарослей выходят шакалы».

(Стенли. «Как я нашел Ливингстона»).

ЕЖЕДНЕВНО собиралось летучее совещание, и ежедневно Семецкий прибегал на него позже всех.

Когда он, застенчиво усмехаясь, пробирался к свободному стулу, собравшиеся обычно обсуждали уже третий пункт повестки. Но никто не бросал на опоздавшего негодующих взглядов, никто не сердился на Семецкого.

— Он у нас крепкий, — говорили начальники отделов, их заместители и верные секретари. — Крепкий общественник.

С летучего совещания Семецкий уходил раньше всех. К дверям он шел на цыпочках. Краги его сияли. На лице выражалась тревога.

Его никто не останавливал. Лишь верные секретари шептали своим начальникам:

— Семецкий пошел делать стеннуху. Третий день с Ягуар Петровичем в подвале клеят.

— Очень, очень крепкий работник, — рассеянно говорили начальники.

Между тем Семецкий озабоченно спускался вниз.

Здесь он отвоевал комнату, между кухней и месткомом, специально для общественной работы. Для этого пришлось выселить архив, и так как другого свободного помещения не нашлось, то архив устроился в коридоре. А работника архива, старика Пчеловзвода, просто уволили, чтоб не путался под ногами.

— Ну, как стенновочка? — спрашивал Семецкий, входя в комнату.

Ягуар Петрович и две девушки ползали по полу, расклеивая стенгазету, большую, как артиллерийская мишень.

— Ничего стеннушка, — сообщал Ягуар Петрович, подымая бледное отекавшее лицо.

— Стеннуха что надо, — замечал и Семецкий, полюбовавшись работой.

— Теперь мы пойдем, — говорили девушки, — а то нас и так ругают, что мы из-за стенгазеты совсем запустили работу.

— Кто это вас ругает? — кипятился Семецкий. — Я рассматриваю это как выпад. Мы их продернем. Мы подыдем вопрос.

Через десять минут на третьем этаже слышался голос Семецкого:

— Я рассматриваю этот возмутительный факт не как выпад против меня, а как выпад против всей нашей советской общественности и прессы. Что? В служебное время нужно заниматься делом? Ага! Значит общественная работа по-вашему не дело? Товарищи, ну как это можно иначе квалифицировать, как не антиобщественный поступок!

Со всех этажей сбегались сотрудники и посетители.

Кончалось это тем, что товарищ, совершивший выпад, плачущим голосом заверял всех, что его не поняли, что он вообще не против и что сам всегда готов. Тем не менее справедливый Семецкий в следующем номере стенгазеты помещал карикатуру, где смутьян был изображен в самом гадком виде — с большой гольбой, собачьим туловищем и надписью, шедшей изо рта: «Гав, гав, гав!»

И такая принципиальная непримиримость еще больше укрепляла за Семецким репутацию крепкого работника.

Всех, правда, удивляло, что Семецкий уходил домой ровно в четыре. Но он приводил такой довод, с которым нельзя было не согласиться.

— Я не железный, товарищи, — говорил он с горькой усмешкой, из которой, впрочем, явствовало, что он все-таки железный, — надо же и Семецкому отдохнуть.

Из дома отдыха, где измученный общественник проводил свой отпуск, всегда приходили трогательнейшие открытки.

«Как наша стеннушка? Скучаю без нее мучительно. Повел бы общественную работу здесь, но врачи категорически запретили. Всей душой стремлюсь назад».

Но, несмотря на эти благородные порывы души, тло Семецкого регулярно каждый год опаздывало из отпуска на две недели.

Зато по возвращении Семецкий с новым жаром вовлекал сотрудников в работу.

Теперь не было прохода никому. Семецкий хватал людей чуть ли не за ноги.

— Вы слабо нагружены! Вас надо малость подгрузить! Что? У вас партийная нагрузка, учеба и семинар на заводе? Вот, вот! С партийного больше и спрашивается. Пожалуйста, пожалуйста, в кружок балалаечников. Его давно надо укрепить, там очень слабая прослойка.

Нагружать сотрудников было самым любимым занятием Семецкого. Он любил это дело.

Есть такая игра. Называется она «Нагружать корабль». Играют в нее только в часы отчаянной скуки, когда гостей решительно нечем занять.

— Ну, давайте грузить корабль. На какую букву? На «м» мы вчера грузили. Давайте сегодня на «л». Каждый говорит по очереди, только без остановок.

И начинается галиматья.

— Грузим корабль лампами. — возглашает хозяин.

— Ламбрекенами! — подхватывает первый гость.

— Лисицами.

— Лиалипутами!

— Лобзиками!

— Локомотивами!

— Ликерами!

— Лапуасцами!

— Лихорадками!

— Лоханками!

Первые минуты нагрузка корабля идет быстро. Потом выбор слов становится меньше, играющие начинают тужиться. Дело движется медленнее, а слова вспоминаются совсем дикие. Корабль приходится грузить:

— Люмпен-пролетариями! Лимитрофами! Лезгинками! Ладаном!

Кто-то пытается загрузить корабль Лифшицами. И на этом игре конец. Возникает дурацкий спор: можно ли грузить корабль собственными именами.

Семецкий испытывал трудности подобного же рода.

Им были организованы все мыслимые на нашей планете самодельные кружки. Помимо обыкновенных, вроде кружка профзнаний, хорového пе-

В. Ковалинский

ОДИН ИЗ НИХ

— Боюсь, что этот номер мне даром не пройдет.

ния или внешней политики, числились еще в отчетах:

Кружок по воспитанию советской матери.

Кружок по переподготовке советского младенца.

Кружок — «Изучим Арктику на практике».

Кружок балетных критиков.

Достигнув таких общественных высот, Семецкий напрягся и неожиданно сделал еще один шаг к солнцу. Он организовал ночной профилакторий под названием: «Скорая помощь пожилому служащему в ликвидации профнеграмотности. Приех с 12 ч. ночи до 6 ч. утра».

Диковинный профилакторий помещался в том же подвале, где обычно клеили стенгазету.

Здесь дежурили по ночам заметно осунувшиеся, поблекшие девушки и Ягуар Петрович. Ягуар Петрович совсем сошел на-нет. Щека у него уже почти не было.

В ночной профилакторий никто не приходил. Там было холодно и страшно.

Все-таки неутомимый Семецкий сделал попытку нагрузить корабль еще больше.

Семецкий изобрел карманную стенгазету, которую он ласкательно назвал «Стеннушка-карманушка».

— Понимаете, я должен довести газету до каждого сотрудника. Она должна быть величиной в визитную карточку. Она будет роздана всем. Вынул газету из жилетного кармана, прочел,отреагировал и пошел дальше. Представляете себе реакцию!..

Вся трудность заключалась в том, как уместить на крошечном листке бумаги полагающийся материал: и статью о международном положении, и о внутриучрежденческой жизни, и карикатуру на одного служащего, который сделал выпад, одним словом — все.

Спасти положение мог только главный бухгалтер, обладающий бисерным почерком.

Но главный бухгалтер отказался, упирая на то, что он занят составлением годового баланса.

— Ну, мы это еще посмотрим, — сказал Семецкий, — я это рассматриваю как выпад.

Но здесь выяснилось, что Семецкий перегрузил свой корабль.

— Чем он собственно занимается? — спросили вдруг на летучем совещании.

— Ну, как же. Крепкий общественник. Все знают.

— Да, но какую работу он выполняет?

— Позвольте, но ведь он организовал этот... ну, ночной колумбарий, скорая помощь, своего рода профсоюзный Склифасовский... И потом вот... переподготовка младенцев. Даже в «Вечорке» отмечали...

— А должность, какую он занимает должность? Этого как раз никто не знал. Кинулись к ведомости на зарплату. Там было весьма кратко и неопределенно:

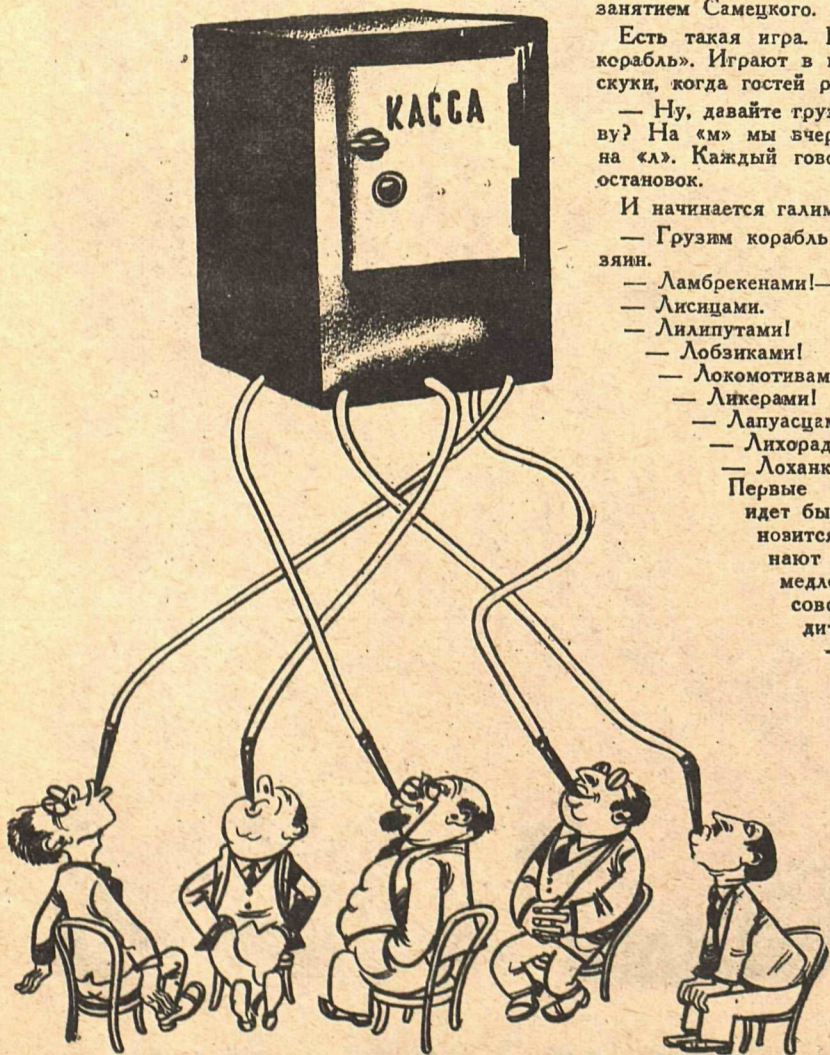
«Семецкий — 360 р.»

— Туманно, туманно, — сказал начальник, — ах, как все туманно! Конечно, Склифасовский — Склифасовским, но для государства это не подходит. Я платить не буду.

И судьба Семецкого решилась. Он перегрузил свой корабль. И корабль пошел ко дну.

Ф. Толстоевский.

М. Храпковский

— Однако этот Семецкий, как две капли воды, похож на нашего Киселевского. Десять лет на 8-ю страницу!

Т О В А Р И Щ О С И Н И Н

ВСЕГДА аккуратно одет, обут он,
Вымыт, причесан, побрит.
Стан его не сгибается круто,
Стан его — монолит.
Глаз глубина ясна и чиста —
Ну, прямо, родник кристальный,
Использует он

и глаза и стан
Понстине гениально.
На них возлагает он все надежды,
Им отдает он много любви.
Он носит, как панцирь
иль прозодежду,
Свой представительный вид.
Лоска, фасона — целая тонна,
Тончайшую в жизни ведет игру.
И только лирическим баритоном
Звучит иногда его пышная грудь.
Он с «начальством» тогда говорит!
И как мило
Звучит его невинная лесть.
Под соусом почтенья к «начальству»
без мыла

В душу легко
ухитряется влезть!
Победы добившись определенной
(А это бывало, поверьте, не раз),
Он тотчас сменяет гул баритона
Для подчиненных на крепкий бас.
Но и тут он охотно даст объясненье,
Он скажет, глядя тугие бока:
— В руководстве и в управлении
Коепкая необходима рука.
Товарищ Осинин правит умело!
И жатву умеет он собирать!
Всегда под докладом,
что зам его сделал,
Росчерк осининского пера.
Я — в стороне, излагаю лишь факты,
Бесстрашьем сменяю свой пыл...
Товарищ Осинин редактором как-то
Журнала какого-то был.
Штат был хорош, работал до пота.
Доволен вполне был Осинин им!
А на себя возложил заботу...
О чем?

Ну, конечно, о «линии»!
— О, линия эта — пряма и резка
(Любил он прикинуться непримиримым!).
Но «линия» (странно!) была так тонка,
Что в сущности — невидима,
Он поглядит на нее часик в сутки,
Встанет, потянется...

— Ну, всех благ!
Сегодня денек мне выдался жуткий:
Собранье, бюро,
доклады в цехах!

Правда, я на такое собрание
С ним ненароком попал как-то раз.
Оно было в жарко натопленной бане...
Осинин... был гол и... держал в руке таз.
Впрочем, и тут, улыбнувшись мило,
Он пробасил какую-то фразу,
И сразу подвел под шайку
и мыло,

Вполне
деловую
базу.

Рабкоров любил он отчески нежно:
— Я, товарищ, всегда за вас!
И тут же ронял он небрежно
Набор нарочито «рабочих» фраз.

— Как, мол шамовка?
Скаж-жи, пожалста!
Четыре сбоку! И в аккурат?
И даже стекал на цветистый галстук
С розовых губ
старательный мат.
Затем к поученьям переходил он,
И каждый пришедший
по горло был сыт.
С особенно огненным пылом
и силой
Он налегал на быт.

„СТОЯЛ ОН, ДУМ ВЕЛИКИХ
ПОЛН“...

М. Храпковский

— Жену и семью беречь мы должны! —
Скажет бывало и смотрит хрустально
(У самого же четыре жены,
кроме официальной!).

В склоках участия не принимал,
Но в курсе был замыслов ватажных.
Зато как девятый он падал вал,
На склочников побежденных.
Правда, всегда

у «бузы» за кулисой
Осинина баритон расцветал.
Но на собраниях речи лился
Волгою осторожных цитат.
Цитатой-то бил он,
как тяжким железом,

То властно врагов
повергал он ниц
(Правда, немного томов он разрезал,
Но сколько прочел он передовиц!).
Но что-то случилось,
поветрия вроде:

Приелсь синь глаз,
и стан и слова,

Куда ни садится,
куда ни заходит —

Всех начинает мутить
и рвать.

Хватились: — Где линия?
— Невидима!

Уклоны?
— Их нет!

Но вопрос неуместен.

Этим Осининным неуловимым
Только в болото уклон известен!
Осинин, однако, был крепок, как столб.
Забрав гонорар и какие-то книги,
Он спокойно очистил
редакторский стол,
Пробасив, улыбаясь:
— Интриги!

✱

У нас объективность в большой чести,
Но забыть не могу я о том никак:
Вредно стараться приобрести
«Объективность» «Четырехтомника»!
История разве лишь запись событий.
История — острый клинок для атак,
И если Осинин есть факт,
то скажите,

Достаточно ли констатировать факт?
Нет! Факт этот голубоглазый,
Факт, побритый внутри, как снаружи,
Лакированный от ногтей
и до фразы,

Факт этот
никак нам не нужен!

И ненависть к фактам таким горяча
Должна быть,
должна быть страстной.

Должны мы Осининных разоблачать —
Арапов

самых
опасных!

Р. Роман.

ПУШКИН: — Не знаю, были ли среди моих предков арапы, но среди моих потомков их больше, чем надо.

НА ВСЕ СТО!
(Повесть об очковтирателе)

ГОЛОС — чистый барабан,
Знойный взор энтузиаста:
— Свой фабричный промфинплан
Я сдаю, конечно, на сто.
Я по дифрам — впереди! —
Голос режет перепонки, —
От биения в груди
Образованы воронки.
Нос стремится к облакам
(Соревнуется с Мовбланом!),
Глиноногий великан
Потрясает промфинпланом...
Отвучала речи медь
Под рефрен «кура» и «браво»...

Если глубже посмотреть,
На все сто, пожалуй, прав он.
Все здесь — «на сто», все наять,
Сверх наметки (для контраста)
Себестоимость поднять
Умудрились тоже... на сто.
На все сто рассеян врак,
Все повятно, ясно, просто:
При такой работе брак
Наползет, пожалуй, до ста.
Голос — режущий тромбон,
Знойный взор энтузиаста...
Так очки втирает он
Преимущественно... на сто!

В. Гранов.

ЗАКОННАЯ ОБИДА

— Дарвин ошибается, не может быть, чтоб у меня были такие потомки.

(См. рисунок внизу)

ОЧКОВТИРА
В МЕЖДУ
НОМ МАСК
Зарисовки

**ДАРВИНОВСКИЕ ДНИ
В АМЕРИКЕ**

К. Елисеев

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН

Пребываю

НЕОСМОТРИТЕЛЬНАЯ ЗАТРАТА

Вернувшись из Южной Африки, Бернард Шоу заявил журналистам, что он «столкнулся там с большим количеством белых детенратов».

Мы полагаем, что если бы Бернард Шоу предпринял не такое длительное путешествие, а ограничился бы заездом в некоторые европейские столицы, — впечатления у него остались бы те же.

ОСЛИНОЕ СОЛО

Трудно представить себе человека, который бы стал доказывать, что холера помогает живописи, а землетрясения — футболу. Однако один из берлинских епископов пошел по этому пути и выступил с доказательствами, что безработица — лучший друг для христианской морали.

«Если исчезнет нужда и безработица, — утверждает этот епископ, — то не останется никаких стимулов проявлять любовь, некому будет подавать милостыню, не будет возможности творить дела милосердия».

Таких людей не только приятно слушать, но и посмотреть на них — одно удовольствие. Особенно — в Зоопарке!

РЫЖИЙ В СИЯНИИ

У нас рыжие не в большом почете и в провинциальных цирках. В Европе им предоставлена более широкая деятельность и на политической арене.

Вот, например, картина из пребывания знаменитого «непротивленца насилиям» — вождя Ганди в Женеве:

«Ганди приехал на автомобиле со своей свитой и переводчиком. После обеда, сидя на ковре на полу, «про-рок» вынул ручной станок и начал ткать полотно. В такой позе юродствующе, за ручной работой, Ганди принимал президента республики, шефа полиции, журналистов и компатриотов из Лици наций. Говно в двенадцать с половиной Ганди, отложив ткань, направился в зал. Там играл орган. Подойдя к столу, Ганди прежде всего снял сандалии, — приближенные помогли, подсадив его на стол. Сидя на столе «калачиком», в своей белой «доти», сшитой собственными руками, Ганди с полуголым черепом, с редкими седыми усиками, с темным лицом изображал какого-то оракула, далай-ламу или самого Будду. Женщина-европейка в индусском костюме возложила ему веноч из белых и розовых гвоздик. Веноч был велик, или голова Ганди была мала, поэтому он упал на плечи, вроде хомута. Толпа ждала слова».

Если бы толпа ждала слова от нас по этому поводу, мы бы произнесли его со всей серьезностью и ответственностью:

— А р а п!

НЕПРИЯТНОСТЬ СО СВЕТОМ

По сообщению польских газет, в польской деревне в силу экономического кризиса «население вынуждено отказаться от употребления свечей и керосина».

Единственное освещение, доступное польской деревне, — это зарево от пожаров помещичьих усадеб. Повидимому, польской экономике придется помириться на этом освещении.

ИЗ НОВОЙ ИСТОРИИ

Как и известно, за границей жуликов нет. В подтверждение этого факта приводим ряд исторических анекдотов, рассказывающих о честности и самоотверженности лучших представителей высших классов европейского общества.

ЧЕСТНОСТЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Известный голландский вор, популярный похититель чемоданов в отелях и составитель антисоветских фальшивок, попал по личным делам в Женеву, выпрыгнув из окна вагона.

Преследуемый полицией, с которой не успел поделиться, он забежал на заседание одной из комиссий Лиги наций. Во время речи испанского делегата в зад заседании вбежал полицейский. Все очень испугались, но голландский вор гордо выступил вперед, так как не знал, где запасный выход и, подойдя к полицейскому, сказал:

— Я готов.
— Тогда бегите скорее отсюда, — шепнул ему полицейский, — обкрадут!
Так еще раз была доказана честность европейской полиции и практическое значение Лиги наций.

СКРОМНАЯ ТОРГОВЛИШКА

У одного румынского министра третьего дня спросили, чем он зарабатывает деньги на жизнь.

— Двойным оборотом, — лакново и скромно ответил г. министр, — сначала покупают меня, а потом я продаю тех, кто меня купил.

После этого очень трудно не верить, что честная торговля не приносит прибыли.

СИЛА ВЕРЫ

Давным-давно, недели две тому назад, польский генерал М., большой патриот и домовладелец, производил смотр полка драгун. При чем проверял и наличность полковой кассы. После смотра полковой казначей как культурный человек и знаток живописи написал пьяный, стреляя в окна еврейских домов и забыв запереть кассу.

— Так нельзя, — сказал ему командир полка, ину, — ведь деньги могут пропасть.
— Ну, знаете, — гордо и мужественно ответил казначей, — если они во время осмотра их превосходительством не пропали, так потом уже и брать их некому.
Так в польской армии верят в ум и способности своих боевых начальников.

СЛАВА ИЗБРАННЫХ

Очень трудно установить точную историческую дату, но, кажется, это было вчера, — правое крыло Гоминдана устроило обед в честь посла одной европейской державы. За обедом ничего особенного не произошло, но некий китайский гражданин Ли Пу-хо, проходя мимо, тихо сказал:

— Жулики!

Так высокая доблесть честных политических деятелей сразу приобретает популярность в широких кругах населения.

БУРЖУАЗНЫЕ УЧЕНЫЕ: — Мы тебе покажем, от кого мы произошли!

Спасайся, кто может! Белые арапы приехали!

„ П С И Х О Л О Г “

МНОГИЕ крупнейшие открытия делались совершенно случайно. Так же случайно открыл свое настоящее призвание технический секретарь Методцентра Цветкапусты Митя Дагмаров.

Однажды вечером, болтаясь по Москве, Митя, как бы по наитию, решительно завернул в контору Большого театра и, протягивая руку администратору, важно сказал:

— Ну, здравствуйте. Дайте-ка мне два билета во втором ряду партера. Я — товарищ Артем.

— Как вы сказали? — почтительно, но с некоторым недоумением переспросил администратор.

Митя пожал плечами и повторил: «Товарищ Артем».

— А-а-а! — с уважением протянул администратор. — Пожалуйста! И беспрекословно выдал Мите две почетные контрамарки.

С этого знаменательного дня Митя почувствовал, что его настоящее призвание — быть психологом. И начал действовать.

Митя обложил себя справочниками, календарями, телефонными книжками и начал развивать усиленную работу в области «психологии».

— Алло! — звонил Митя в крупный универмаг. — Иван Семеныч? Говорит Дагмаров. Ну, как у тебя? Затоварился, говорят, братишка? Смотри у меня! Работать надо. Кстати, там, говорят, у вас свитеры получены, так отложи-ка мне одну штуку да еще чайник электрический. Я пришлю.

Иван Семеныч мучительно потирал лоб и старался припомнить, что за персона Дагмаров.

— Знакомая фамилия как будто. Дагмаров, Дагмаров... А кто, убей меня трамвай, не помню. А все-таки надо отложить — на всякий случай. Должно быть, человек нужный.

Постепенно Митя нагнул.

Он уже не ограничивался телефонными просьбами.

— Слушай, Петр Петрович, — сердито брюзжал в трубку Дагмаров. — Я же тебя просил отложить керченских седелок, а ты какой-то вонючей дрянью дал. Ты, брат, смотри. Так нельзя. Ты распеки своих холуев. Что за безобразие! Понимать надо, с кем имеешь дело!

Очередей Митя не признавал, понятно.

Распихивая очередь, Митя сердито орал:

— Ну, что за народ такой! Только и знают, что о себе думать! Безоб-

разнейший индивидуализм. Видите, что тут срочное поручение учреждения, а понимать не желаете. Пропустите представителя Эмбео!

Получив требуемое, Митя отходил от окошечка, продолжая все так же неодобрительно поглядывать на присмирившую неосознательную очередь.

Постепенно Митя стал велик и знаменит.

Сослуживцы говорили про Митю:

— О, Дагмаров! Ну, знаете, у него такие связи. Такие знакомства.

Удивляюсь, зачем он сидит у нас в Цветкапусте!

Соседи по квартире проходили мимо комнаты Мити на цыпочках.

Иногда они почтительно обращались к нему с просьбами:

— Дмитрий Аполлонович! Не можете ли вы моего Семочку на курсы чертежников устроить без канители? Там, говорят, долго ждать.

Митя перелистывал справочник, придвигал блокнот и незамедлительно писал:

«Завкурсами чертежников».

Товарищ Кочкин, податель сего, Тютькин, будет полезным для республики чертежником. Прими в первую очередь. Дагмаров».

Завкурсами, почесывая затылок, переворачивал письмо, задумывался. Но так как бумаги просителя оказывались в порядке, принимал в первую очередь.

Слава Мити росла.

Митя свирепствовал. Он посылал на курорты, устраивал в лечебницы, рекомендовал на службу, получал кожаные пальто, доставал железнодорожные билеты.

Иногда, понятно, Митя терпел неудачу и получал отказ.

В таких случаях он не унывал и констатировал:

«Ну вот, наконец-то, один умный человек нашелся».

Иногда Митя впадает в приступы самокритики:

«Нехорошо, — самобичуется Митя, — ведь, откровенно говоря, я жулик».

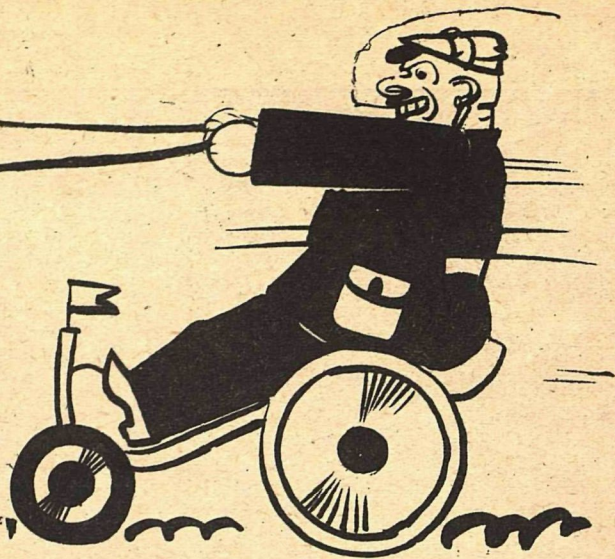
Но сейчас же услужливое сознание поправляет:

«Впрочем, какой же я жулик? Я психолог».

А вот они, — додумывает Митя о своей клиентуре, — просто дураки и подхалимы».

Знакомство Зайки

в.к. 1992

„ДЕЛОВОЙ ЧЕЛОВЕК“

— Ну, наконец, фельетон про порядочного человека!

„Не терплю я людей такого рода. Ничего не делает, жиреет только, прикидывается, что он такой, сякой, и то наделал и то поправил, — настоящая добродетель“.

(Н. В. Гоголь — „Утро делового человека“).

ПАХЛО ВЕСНОЙ. Солнечный зайчик заглянул в окно и, не долго думая, прыгнул с подоконника на пол. Он скользнул по книжному шкафу. Спокойные, за красным деревом, стояли, кокетливо выпячивая позолоченные бока, издания „Academia“ — „Бокаччио“ об руку с „Шехерезадой“. По краям их сторожили Маркс и Энгельс.

Волоокая голая нимфа завлекла портрет с соседней стенки на запыленный письменный стол.

На другой стене висел портрет вождя в ореоле цветистых тарелочек и выцветших открыток.

Отовсюду на солнечного зайчика глядели звери: кошечки, зайцы, обезьяны, собачки, львы. Они были из камня, резины, тряпок, папье-маше, стекла и сложных пластических масс.

На резной кустарной полочке помахивала хоботами целая армия слонов. От самого большого до самого маленького. Точно диаграмма потухающей кривой производства слонов в капиталистическом мире.

Командные высоты в комнате занимала многоспальная кровать. Она простиралась от слонов до кошечек. От стены до стены. Ее полезная площадь была немного меньше территории независимого княжества Люксембург. Кровать была палисандрового дерева с потускневшими перламутровыми инкрустациями. Колоколенки, арки и башни делали ее похожей на храм.

На башенках висели: подтяжки и рваные шелковые носки. У подножья храма блестели лакированные туфли.

Путешествие солнечного зайчика близилось к концу. Запахавшись, он забрался на угреватый нос щуплого, тщедушного человечка, затерявшегося в просторах кровати, точно блоха в Сахаре.

Потревоженный солнцем Момент вытянул носом последнюю трель и проснулся, бормоча в пространство:

— Эти штучки-дрючки вы оставьте!.. Если не мне, то кому же?!

Он потянулся так, что заскрипели готические арки, башенки, колокольни, и судорожно схватился за блок-нот.

Грядущий день разворачивался, как кинофильм:

- 1) Устроить А. А. два раза „1001 ночь“.
- 2) Отнять у А. А. лимиты и бонусы.
- 3) Черный креп-де-шин Мусе (4 метра). Можно фан-де-шин.
- 4) Отнять у Муси.
- 5) Забежать на службы.
- 6) Не забыть:
 - а) билеты на „Дни Турбиных“ (для Жени),
 - б) пластинку Вертинского (Манечке).

Момент пробежал список, поставив за чем-то птучку против второго пункта, очевидно самого существенного, и поднял телефонную трубку.

— Алло! Межпромезж? Это Момент. Да, конечно. Если не я, то кто же?.. Второй час я в Главдетмете. Увязываю.

— Алло! Это Главдетмет? Это я, Момент. Никак не могу приехать. С утра завяз в Межпромезе. Согласовываю...

Рабочий день начался. Одевшись и позавтракав, Момент углубился в чтение Большой со-

ветской энциклопедии, внимательно выписывая биографии руководителей тех учреждений, которые входили в поле зрения его многогранной деятельности. При этом его особенно интересовали годы каторги, тюрьмы и ссылки.

— Так, дорогой Иван Иванович... В 1912 г. в Орловском центре... Конечно, знакомое лицо... Сегодня же я вам об этом напомню...

Весело высвистывая „Яблочко“, Момент вышел на промысел.

По дороге он с независимым видом заходил поочередно во все закрытые распределители; фамильярно здороваясь с работниками прилавка, он небрежно спрашивал:

— Ну, что у нас сегодня дают?.. Небось, какие-нибудь штучки-дрючки?..

И его пустой портфель после каждого посещения разбухал и наливался, как почки весной.

Стучась в кабинет Ивана Ивановича, он беззвучно повторял про себя: — Итак, 1912... Орловский централ.

— А-а-а, Иван Иванович, — взял он первую ноту еще в дверях. — Постарел... Сколько лет, сколько зим?.. А помните, Орловский централ... 12-й год?..

Руководитель учреждения ничего не помнил. Телефонные звонки рысью гнались за ним. Срочные бумаги и чертежи покрывали стол мартовским снегом. Белым, с синими прожилками калыки.

Он поднял усталые близорукие глаза, ничего не вспомнил и боком, как бы стыдясь изменившей памяти, быстро чиркнул на подsunутом Моментом заявлении: „выдать“.

— Что ж вы никогда не зайдете? За чайком потолкуем... Пока! — бросил Момент, быстро сменяя к двери.

Главдетмет был неподалеку. Обедать еще рано. В Межпромезе уже поздно. И Момент направился в Главдетмет, где он был консультантом.

Он был консультантский советник... весело мурлыкал Момент, стрелой несясь по широкой лестнице Главдетмета.

Комната № 118 была окутана дымом. С утра шло совещание. Момент, раскланиваясь, как тенор, прошел к столу председателя и немедленно попросил слова. Предварительно он осмотрелся вокруг. Стенографисток не было (когда велись стенограммы, он предпочитал молчать)...

О чем говорили на заседании, он не знал. Но говорил плавно, собирая речь находку, как стандартный дом:

— Грандиозные задачи нашего строительства перед лицом гигантских проблем на фоне загнивающего Запада не могут пройти мимо Главдетмета. В общем и целом включиться в этот процесс, сконцентрировать внимание, увязать их на базе реконструкции, согласовать, мобилизовать, суммировать...

Момент косил собрание, как пулеметная лента. Он был консультантом.

Момент носил огромные очки, хотя обладал совершенно нормальным зрением. Консультанту очки необходимы, как портфель, как закругленная фраза. Именно поэтому в массивную роговую раму были заключены обыкновенные оконные стекла.

Он знал всех по имени и отчеству. Это покоряло.

Он обладал особой, только ему свойственной способностью неожиданно возникать на самых разнообразных фотографиях. Если это была закладка памятника, он приходил и снимался со своей лопатой. Если пускался завод, — он вовремя вытаскивал из кармана ножницы, которые

могли разрезать ленту. Момент хотел войти в историю и потому фигурировал: на торжественных собраниях, театральных премьерах, похородах, встречах и проводах.

Его лицо уже так примелькалось, что когда, по странной случайности, Момент отсутствовал на каком-нибудь торжестве, то все чувствовали какую-то странную пустоту. А кого не хватало, никто сказать не мог.

Любимым его глаголом было „отнимать“. Именем существительным, которого он не любил, — „лимит“. Когда не помогли Орловский централ и роговые очки, он прибегал к анекдотам:

— Так, понимаете, любовник спрятался под столом. Муж, значит, спокойно наливает чай и, приподымая скатерть, спрашивает:

— Вам с лимоном?..

Анекдоты тоже иногда покоряли.

Обедал Момент в закрытой столовой для иностранных специалистов. Из всех языков он знал один — немецкий. А из всех немецких слов только одно — „битте“.

— „Битте“, — говорил он швейцару, проверявшему пропуск, вежливо приподымая фетровую шляпу.

— „Битте“, — повторял он, заказывая обед.

— „Битте“, — улыбался он, ковыряя зубочисткой во рту.

★

В этот вечер мы встретили Момента на торжественном заседании памяти Гете. Он сидел, конечно, в первых рядах партера и громче всех аплодировал и А. Луначарскому и Л. Авербаху.

Когда доклады раскрыли не только образ мирового поэта—Гете, но и филистерские черты веймарского министра, Момент обернулся к сидевшему рядом академику:

— Все эти фигли-мигли мы сто раз слышали, — сказал он пресыщенным шопотом. — А, кстати, папаша, не помните случайно, где работал этот самый Веймар?..

Академик заерзал на кресле и тоскливо вздохнул. Момент забежал мимоходом в буфет и вышел на улицу.

Луна плыла над Гете, Веймаром, закрытыми распределителями, Главдетметом и Межпромезем.

Консультант был настроен биографически и лирично. Ему вспоминалось золотое детство: знойные марки Филиппинских островов, острые стальные перья, подобранные на улице подковы, удачно обмененные на коричневые каштаны и толстые палочки разноцветного сургуча... Вспоминалось все то, отчего пошел в последний его любимый глагол „отнимать“.

Он думал о себе и о Гете.

„Если Гете был самым деловым человеком из поэтов, то я самый большой поэт из деловых людей“...

Отходя ко сну, он должен был обязательно помечтать, и каждую ночь прибавлялась новая глава в фантастическом проекте, который звучал для него, как симфония. Ему грезились легендарный трест „Цудай“, в котором тысячи Моментов, вооруженных роговыми очками, тугими портфелями, сведениями об орловских централах, анекдотами, десятками тысяч имен и отчеств, были поставлены на службу его любимому глаголу „отнимать“.

Затерянный в просторах палисандровой кровати с перламутровыми инкрустациями, Момент засыпал.

На колоколенках, арках и засиженных клопами башенках кровати повисали подтяжки и рваные шелковые носки.

Абрато.

— Ошибки может не заметки зать, с дальше на

В ОДНО прекрасное утро москвич замечает на ближайшем фанерном щите для афиш свеженаклеенную бумажную простыню, которая покрыта буквами до такой степени, что некоторым образом угрожает зрению. Подойдя к щиту вплотную, трудящийся москвич скоро усваивает, что роящиеся на простыне литеры обещают ему в непродолжительном времени концерт, в коем примут участие нижеследующие артистические силы (имена и титулы сил отпечатаны черной краской):

Качалов, Москвин, Леонидов, Книппер-Чехова, Станиславский, Яблочкина, Степан Кузнецов, Блюменталь-Тамарина, Гельцер, Собинов, Кригер, Жукот, Семенова, Сибир, Игорь Ильинский, Радин, Эрделли, Смирнов-Сокольский, Изумнов, Нейгауз, Рейзен, Обухова, Нежданова, Оборин; квартет имени Бетховена, то же имени Стравиниуса.

Поперек этих имен голубой краской набран дополнительный список:

Коонен, Ярон, Бах, Головин, Козловский, Хенкин, Гольденвейзер, Барсова.

А в уцелевших кое-где белых пятнах разбросаны еще и красные буквы; подбирая эти буквы по принципу ребуса, можно угадать, что концерт будет усилен выступлениями клоунов Бим-Бом, профессором Гедике, каковой профессор обязуется захватить с собой орган из Большого зала консерватории, и театром «Современник», состоящим, как известно, из артиста Яхонтова и одной его хорошей знакомой. Далее афиша позволяет надеяться на прибытие табора цыган в 172 человека с присвоенными табору фургонами, палатками, очагами и таборными песнями. Табун конференсье во главе с Алексеевым, Менделевичем и Гринлем поможет зрителям разобраться в этой оргии искусств. У рояля, за роялем, под роялем, на рояле, в рояле и верхом на рояле — 6 братьев Покрас.

После того как москвич посылно усвоил афишу, происходит явление, которое мы можем смело отнести к потустороннему, мистическому миру: пятерка, доселе тихо лежавшая в подковообразном кошельке москвича, внезапно подает признаки жизни. Она, пятерка, как бы забывает, что относится к неодушевленным предметам, забывает и, толкаясь сама, толкает своего обладателя к петровской театральной кассе. В кассе пятерка с разительной живостью прыгает в руки дежурного кассира, чтобы снова обрести приличествующее вещи спокойствие.

И вот наступает великий день этого мощного концерта. Москвич слагает с себя на сутки общественную нагрузку. В четыре часа пополудни он

уже дома и начинает небывалое праздничное омовение, которое кончается только за четверть часа до начала концерта.

Боясь опоздать, москвич лихим галопом несется вместе с женой от вешалки к залу. Но напрасно он торопился: концерт запаздывает на двадцать минут и открывает его не Гельцер, и не Москвин, и не профессор Гедике. Первым номером, по заверениям конференсье (каковой — тоже не Алексеев и не Менделевич), выступит Анисья Робертовна Носухина «в своем репертуаре». Бодро настроенный москвич снисходительно относится к тем завываниям, которые называются «своим репертуаром» мадам Носухиной. Наклонившись к жене, москвич шепчет ей:

— Ох, уж эти мне артисты: сроду не выступят первым номером! Зато сейчас вот увидишь: после этой халды либо Качалов выйдет либо Игорь Ильинский...

Но выходит некий родственник по искусству мадам Носухиной. И все вообще первое отделение состоит из Носухиных. Противная тревога вползает в грудь москвича. Вползает и растет.

Во время антракта москвич, гуляя по фойе, беззаботным голосом говорит жене:

— Ну, как ты думаешь, — кто начнет второе отделение? Ярон или, может быть, Нежданова? Но удовольствие уже отравлено...

Между тем за кулисами два устроителя с нездешней печатю, печатю обреченности на челе, шепчутся:

— Ну, он, конечно, он не придет. И она не придет. И они не придут.

— Так выпустим еще раз Носухину. Потом вот эту барышню... Вы от кого, барышня?

— Я от артистки Барсовой. Артистка Барсова просила передать, что она очень удивляется, что ее поставили на афишу без спроса. Артистка Барсова сегодня у вас выступать не может.

— Позвольте! Вы — от Барсовой? Очень хорошо. Значит, вы нам и споете. Вам что, молодой человек?

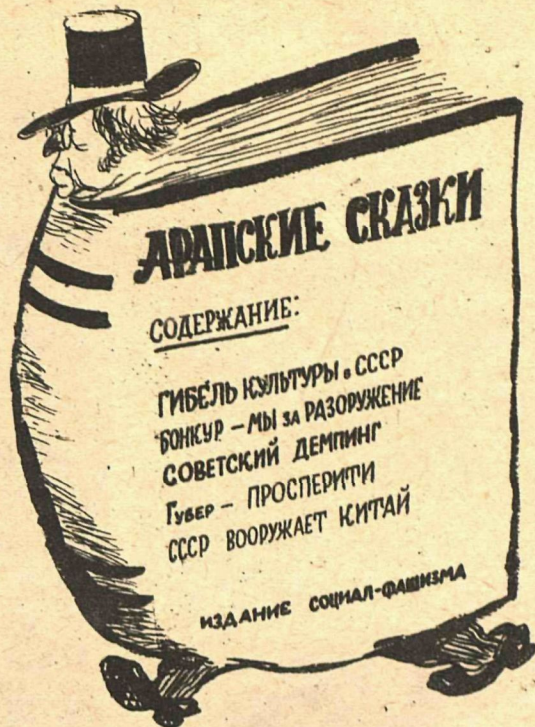
— Николай Мариусович Радин просил передать...

— Ах, от Радина! Ну, вы нам почитаете чего-нибудь! Гражданин конференсье, анонсируйте сперва вот их, а потом вот эту барышню.

Носухины сменяют друг друга на эстраде. Но наконец, исчерпаны и Носухины. Наступает самый страшный момент: объявля номер, надо довести до сведения обманутой публики, что данный номер есть последний. За кулисами готовятся к этому с тою тщательностью, какою принято обставляться в цирке «смертельные номера».

Сперва устроители эвакуируют женщин, детей и мирное население. Затем устроители, ссылав в портфели выручку кассы, отпускают кассиршу и целуются с конференсье, которому предстоит тяжелый подвиг, и скрываются сами в неизвестном направлении.

Евгян

Конференсье, чувствуя себя капитаном погибающего корабля, отдает последние распоряжения. Он подзывает гардеробщика и велит ему держать наготове его, конференсье, пальто, головной убор и калоши.

— Да ты, друг, пальто держи так, чтобы его в накидку подать: в рукава-то некогда будет... Да калоши сунь в карманы пальто: не до калош будет...

Гардеробщик замирает в показанном ему месте и показанной позе. Еще раз убедившись, что касса и население эвакуированы, конференсье отправляется на свой тяжкий подвиг. Он выходит на авансцену, переживает гул недовольной уже публики и говорит:

— А сейчас, граждане, последний номер нашей програ...

Едва он успевает вымолвить «програ...», как смолкший было гул переходит в дикий рев, и тогда конференсье тренированной рысью пробегает за кулисы. Вымуштрованный гардеробщик накидывает ему на плечи пальто и нахлобучивает кепку. Конференсье горохом ссыпается с лестницы.

И пора уже: потому что наиболее активная часть публики во главе с нашим москвичом уже перескочила через рампу и, потрясая кулаками, врывается за кулисы. Испуганный гардеробщик ложится на пол за барьером своей вешалки.

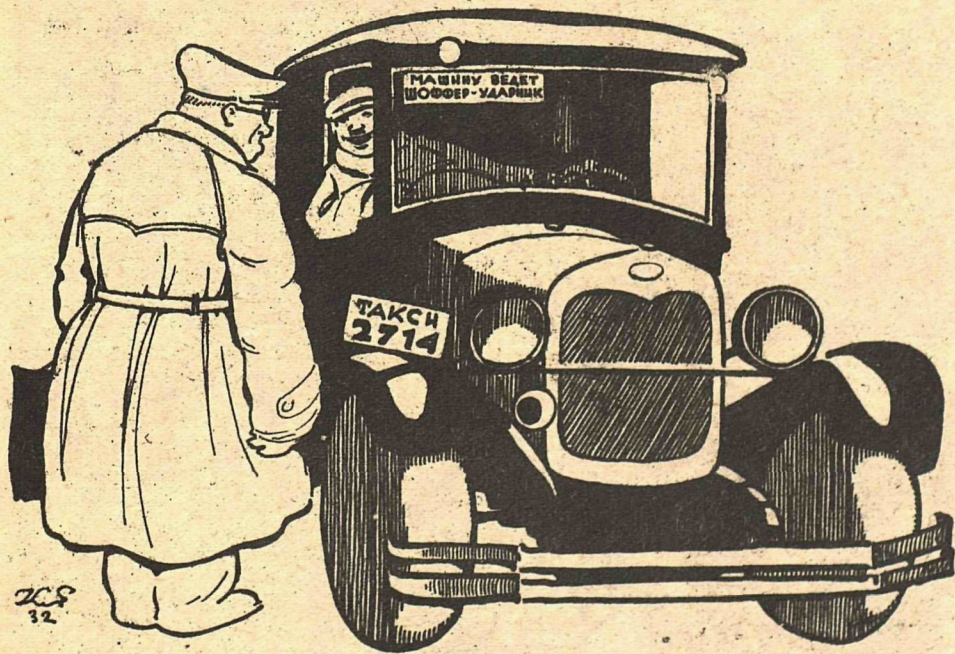
Тщетно обыскав все закоулки кулис, разъяренные мстители соединяются с основным массивом публики, стучащимся в кассу. Кипя и негодуя, распадаясь на десятки летучих митингов, толпа расходится.

Назавтра будет написано 50 писем в редакцию «Вечерней Москвы». А фанерные щиты для афиш уже украшены новой бумажной простыней, на которой цветные буквы слагаются в имена популярнейших наших ученых. Все вузы, научные институты и Академия Союза богато представлены здесь. Устроители потирают руки.

В. Ардов.

АВТО-ЛИХАЧ

К. Елисеев

— Как вам не стыдно просить на чай? Вы же ударник!
— Извиняюсь, ударник в первой смене работал, а я его с пяти сменил.

Смотр качества
открыт у нас
В номере прошлом
(десятом),
Шлите еще
„образцов“ запас,
Место есть „экспонатам“!

★
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ, В ОТДЕЛЕ
„СМОТР КАЧЕСТВА“
ЧИТАЙТЕ
„ПАНОПТИКУМ КРОКОДИЛА“

Некоторые круги польской военщины мечтают о восстановлении границ Польши в пределах 1772 года.

ПОПАЛ В ИСТОРИЮ

На торжественном собрании со- трудников дома промышленности № 2 (Иваново-Вознесенск), посвященном годовщине Парижской коммуны, до- кладчик описывал зверства буржуа- зии при подавлении революционного движения.

«В 1871 году буржуазная гидра своими кровавыми, грязными, мозговыми ручонками (?) рас- стреливала рабочий класс, веша- ла его, убивала разными электри- ческими токами».

Экономьте энергию, товарищ до- кладчик, в особенности электриче- скую...

ДЕЛО НЕ В ШЛЯПЕ

Администрация Иркутского отде- ления Гос. об'ед. розничной торговли закупила для иркутян на 125 тысяч рублей фетровых шляп и фетровых ж: колпаков, из которых изготовляст шляпы.

Колпаки и шляпы в целости и сох- ранности уже несколько месяцев ле- жат в магазинах и складах ГОРТ. Короче говоря, ватоварились всерь- ез и надолго.

Предположим, что колпаки адми- нистрация ГОРТ себе закупила. Что- то не верится: колпаки-то фетровые, а не дурацкие!

Я. Бельский

ВИЛЬВЕНСКАЯ РКИ, ГДЕ ЖЕ ТВОЙ ГЛАЗ?

Один из ответработников Вильвенского поселкового совета (Кизелов- ский район, Уральской области) совершил в короткий срок следующие под- виги:

1. Напившись в дым, явился в контору завода «Метил».
 2. Угрозил там револьвером одному сотруднику.
 3. Выругал там же телефонистку и сотрудниц.
 4. Упал в снег и заснул около клуба. Проходящими был разбужен и под- нят, после чего, однако, домой не пошел, а...
 5. Зашел в клуб, где произвел еще один скандал.
 6. И, наконец, свалился в фойе и заснул уже всерьез и надолго.
- Наутро довольно значительная толпа жертв темперамента упомяну- того ответработника явилась в РКИ с жалобами. За столом председателя сидел какой-то гражданин с опухшим лицом и перевязанным глазом. Пришедшие замерли мраморной группой. В председателе РКИ Луч- никове они без труда узнали героя всех вышеописанных безобразий. А он сказал им: «Здравствуйте!»...

ГЛАВНОЕ — ТОРЖЕСТВЕННОСТЬ

Предместкома Северокавказской конторы Госбанка, уезжая в каче- стве делегата на слет ударников фи- нансового фронта, пожелал органи- зовать пышные проводы. С этой целью...

На 5 часов вечера было на- значено собрание для протеста против шанхайских событий. А когда служащие собрались в большом количестве, им было объявлено, что это — проводы делегатов, иначе никакой торже- ственности не получится бы.

Одному старому провинциальному тенору сказали, что он дурак.

— Но зато — какой голос! — ве- село ответил он.

Если бы упомянутому предместко- ма сказать то же самое, он не менее весело бы ответил:

— Но зато — кака торжествен- ность на проводах!

ЖИРАФ В ГОЛОВЕ

В № 2 «Пролетарское кино» П. Петров-Бытов делится такими се- кретами кинопроизводства:

«В ЛенАРРК'е, я помню, весь- ма восторгался заявлением од- ного режиссера, который обещал картину о пятилетке начать с бегущего жирафа».

Есть такой анекдот об очень на- вивном человеке, который, в первый раз увидев жирафа, недоумевающе проаннес:

— Не может быть!

Мы, видя этого жирафа в творче- ском методе некоторых кинорежис- серов, говорим совсем наоборот:

— Все может быть! Даже хуже!

С ЧЕГО ПЕНКИ СНИМАЕТЕ?

Ивановский филиал Текстильного института нашел способ, как выраба- тывать из луковой шелухи первоклас- сный краситель.

Шелуха обычно зарывалась в ямы, но когда институт попросил плодо- овощные заводы продать ему эту са- мую шелуху, то удалые «коммерсан- ты» запросили по 900 руб. за тонну.

А Гайсинский плодозавод (Укра- ина) по жадности решил снять пен- ки полной горстью и за отправлен- ную шелуху потребовал 4.400 рублей за тонну.

С ума, хлопцы, сходите! Шелухе в базарный день, вместе с вами, крас- ная цена — рубль за тонну. Без вас — дороже на рубль...

ЗАКВАСИЛИСЬ

Уралторг, в порядке самозаготовок, купил 970 тонн сухого кваса. По скромным подсчетам этого за- паса хватит года на три.

Слов нет, дедушкин квас — не плохая вещь, но дедовские методы торговли теперь никуда не годятся. Даже квасом.

ПОЖАЛУЙТЕ БРИТЬСЯ

Уралторг купил вагон мыльного порошка за 74.000 рублей.

Ведомственная переписка между правлением Уралторга и его моско- вским представительством по поводу покупки приняла такие масштабы во времени, что Пермской ж. д. стало невтерпеж, и она продала порошок за 4.800 рублей другой организации.

Что и говорить: за дешевку побри- ли Уралторг!

ДАЮ — БЕРУ!

У Огиз в дни бумажной недохватки появился серьезный конкурент в лице гр-на Каленюка, заведующего сплавсдаточным пунктом в городе Со- коле.

Когда фабрика «Сокол» обратилась к Каленюку с просьбой продать негодные снасти, нужные ей для работы, Каленюк деловито ответил:

«Негодные снасти в нашей снастевой кладовой при Сокольском лесопильном заводе в количестве 4 тонны могут быть отпущены при условии, если вы найдете возможным отпустить нам бумаги писчей, печатной и под- пергамента 4 тонны за наличный расчет. Каленюк».

Для чего, спрашивается, сплавному пункту нужны 4 тонны бумаги? Для того чтобы сплавить и самого Каленюка, достаточно одной маленькой бумажки... из РКИ.

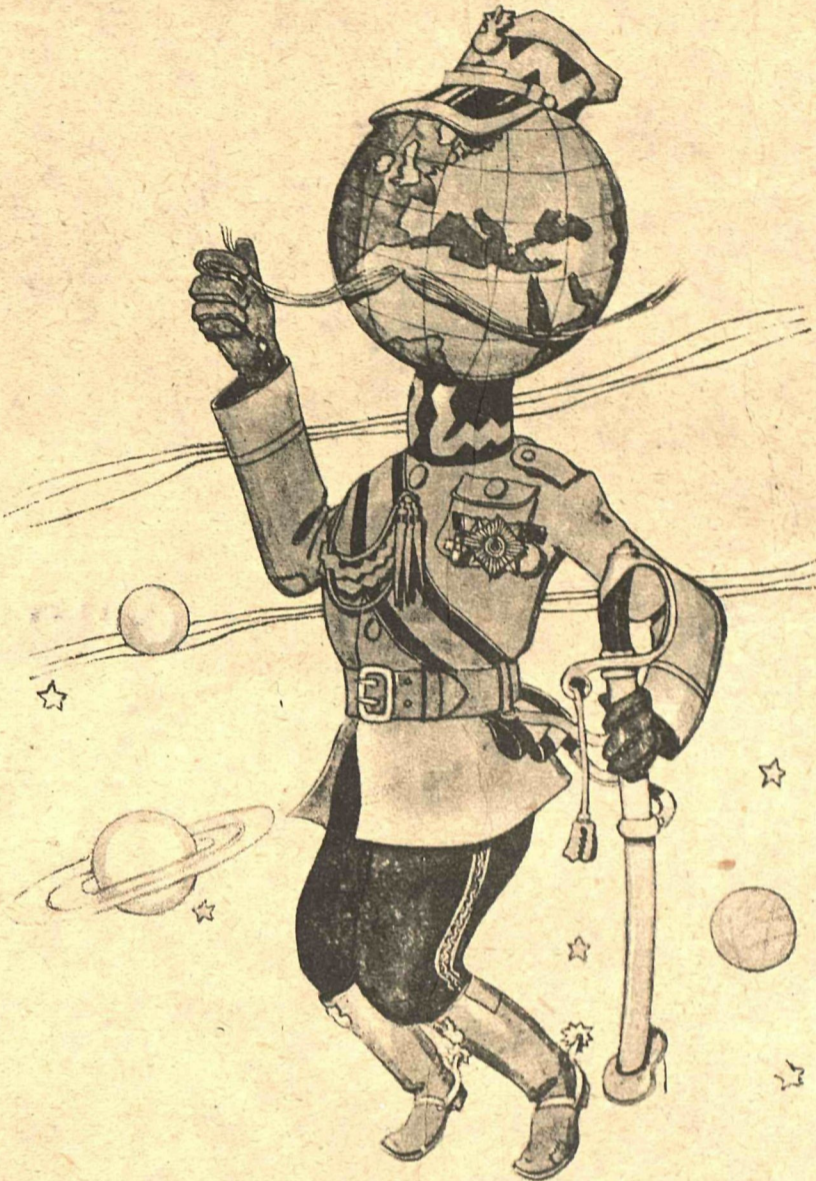
ДЕЛО О ПОКОЙНИКЕ

Как это ни странно, но на периферии кое-где еще сохранилась загроб- ная жизнь. Плохонькая, но во всяком случае покойнику со скромными тре- бованиями есть еще где разгуляться.

Так, в бухарскую РКИ пришло заявление Бухметрайпромстрахкессы некоем гражданине Шукурове, который, как подтверждает горбольница, «действительно, умер». И настолько «действительно», что жене его выдали штаны и подтяжки любимого супруга, а вскоре и сам безвременно сконча- шийся, весело посвистывая, явился домой, зайдя по пути в страхкессу.

Страхкесса настолько взволновалась, что, забыв о неумолнимых зако- нах правописания, срочно потребовала от РКИ «разобрать эту делу и при- нять меры тех, который халатно относился к работе».

Действительно, теперь осталось бухарской РКИ привлечь к ответствен- ности Шукурова за то, что тот халатно отнесся к своей обязанности скон- чаться. Ведь это задание было в официальной форме, с приложением шта- нов и подтяжек, дано ему горбольницей!

— Ну, этот всех пере- арал! Ско- рей из это- го номера вои!..

КАК ПАН ЗАГЛОБУС ПРЕДСТАВЛЯЕТ ГРАНИЦЫ 1772 ГОДА.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

(Ответы графоманам)

САЛЬСК. Мартыненко. Прислан- ное произведение:

«Раз прислал мне барин чаю

И велел его сварить»...

однажды была уже написано 80 лет назад и тогда же было брошено в корзину.

БОЛЬШЕВО. Радионову. Швейк под вашим руководством побы- вал в милиции и в суде, куда он попадал за скандалы на Сухаревке. Это понятно, с кем поведешься, от того и наберешься.

ЛИХОВКА. Агафону Гимнави- сточкину. — Агафон пишет:

«Что ни говорите, а Гоголь был безнадежный оппортунист».

То, что вы заметили за Гоголем — это хорошо! То, что мы и за вами заметили этот же недостаток, — тоже не плохо. Плохо то, что мы не заме- тили в вашем произведении гоголез- ских достоинств.

МОСКВА. Ушканскому Очкастому. Очкастый свой стих, размером в пол- тора метра, начинает так:

«Хорошо страдать на печке!»

Не смее спорить, не пробовали. Пользуйтесь своим открытием моно- польно.

Редакционная коллегия: Я. Бельский, С. Дорофеев, М. Мануильский, Л. Митницкий.

Зав. редакцией: И. Абрамский.

Ответственный редактор М. Мануильский

Москва. Изд. № 379.

Сдача текста и рисунков 3—IV.

Подпись к печати — 8/III

Статформаг АУ — 220×333. Печатных листов 2. Количество знаков 65.000

Уполномоченный Главлита № В — 19179.

2-я типогр изд-ва ЦК ВКП(б) «Правда», Москва, Суздальский вал. 49.

Зак. № 301. Тираж 500.000 экз..

40
20/IV

12832

АРХИВ
2 8 АПР. 1932
Г. Ц. К. П.

СЧЕТ

Культпросвету
Татару

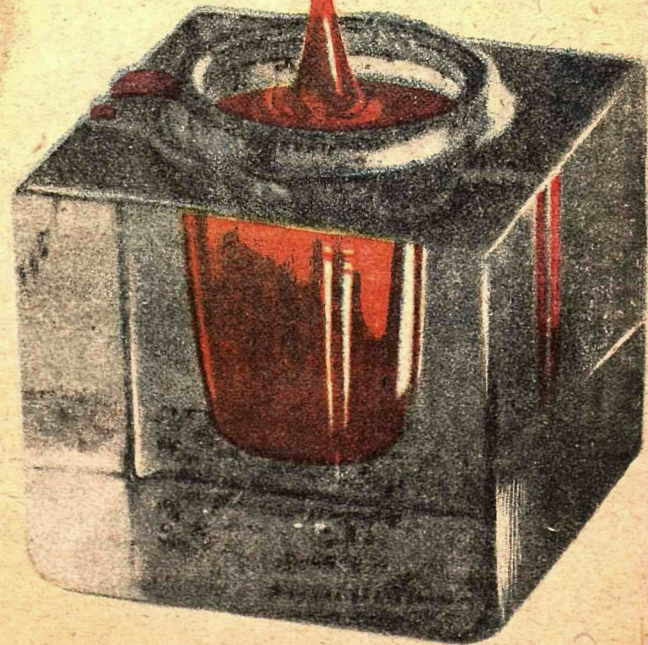
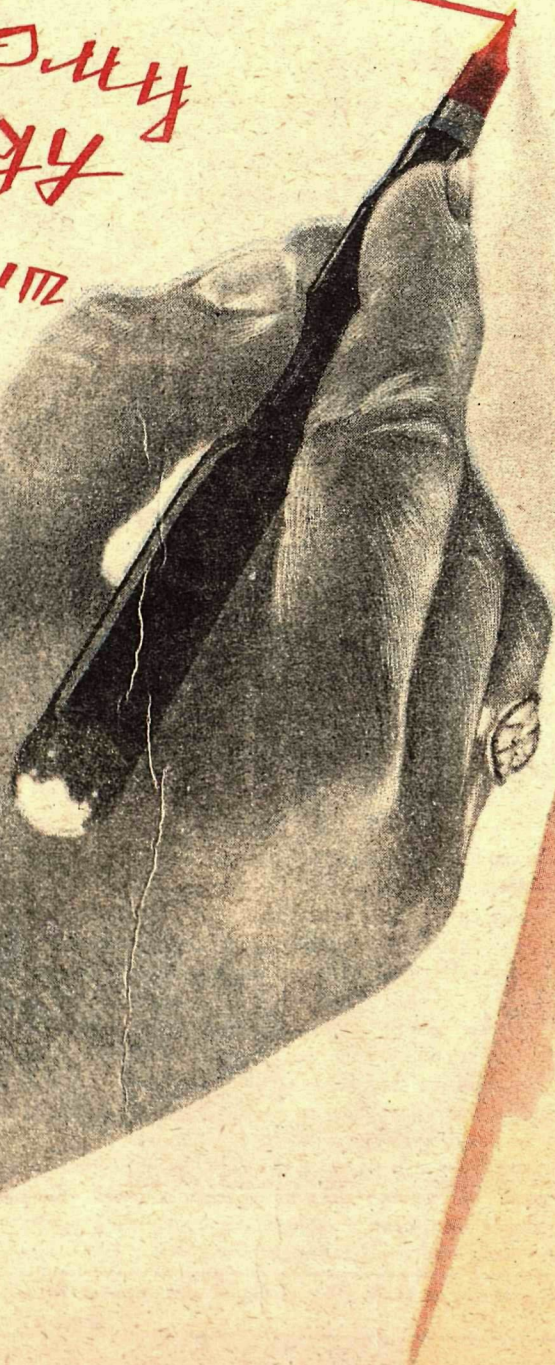
За 1.000.000 шт

Стекла

выпущен

в поле

Итого цен
1.000.000

Фотокариатура
Б. Клинка